

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. (доверенность от 19 января 2021 года № ...), адвоката Ч., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 апреля 2021 года № ..., основанному на информации из ГСУ СК России по М. области от 10 марта 2021 года (вх. № ... от 28.04.2021), в отношении адвоката Ч. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия 07 июля 2021 года вынесла Заключение о нарушении адвокатом Ч. взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), п. 2 ст. 8, и п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле»), что выразилось в указании адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 года по уголовному делу № ... в отношении А., адресованном Генеральному прокурору Российской Федерации, фразы *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»*.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части указанного дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч. вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката

Адвокат Ч. в заседании Совета поддержал ранее представленные письменные Возражения на Заключение Квалификационной комиссии (вх. №

... от 24.09.2021), в которых выразил несогласие в части установленного Комиссией нарушения, просил Совет принять во внимание, что Актом экспертного исследования от 23.09.2021 г. № ..., выполненным лицом, обладающим специальными познаниями в области лингвистики, установлено, что смысловая направленность текста ходатайства Генеральному прокурору России заключается в информировании о сложившейся ситуации с расследованием уголовного дела и побуждении разобраться в этой ситуации путем привлечения высшего органа, осуществляющего надзор за исполнением законов – прокуратуры России; в тексте ходатайства отсутствуют высказывания, содержащие угрозы применения насилия в отношении каких-либо должностных лиц; отсутствуют высказывания, содержащие унижительную оценку какого-либо лица; отсутствуют бранные, грубые слова и выражения.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии согласна в полном объеме. Считает, что за допущенные нарушения к адвокату Ч. должна быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения. В связи с приобщением адвокатом Ч. к материалам дисциплинарного производства Акта экспертного исследования от 23 сентября 2021 года № ... сообщила, что, по ее мнению, указанное экспертное исследование не относится к предмету настоящего дисциплинарного разбирательства, предметом которого является проверка действий адвоката на соответствие требованиям статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката об уважении к лицам, участвующим в деле, и выражении возражений в корректной форме.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается в полном объеме с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

17 декабря 2020 года адвокат Ч., являясь защитником А. по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве ГСУ СК России по М. области, подал в отделе личного приема Генеральной прокуратуры Российской Федерации ходатайство на имя Генерального прокурора Российской Федерации в интересах подзащитного А.

В текст данного ходатайства адвокат Ч. при обосновании своей позиции включил, в частности, следующие выражения:

«что следователь К. ... фальсифицировал протоколы допросов» (страница 1 абзац 1 снизу);

«один следователь, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина в совершении тяжких преступлений» (страница 2 абзац 7, страница 3 продолжение этого же абзаца);

«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается

в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.» (страница 3 абзац 7 со страницы 2);

«следователь Ш. вступила... в корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.» (страница 3 абзац 4);

«и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования» (страница 4 абзац 2);

«...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности» (страница 4 абзац 4).

Употребление данных выражений в своем ходатайстве от 17 декабря 2020 года адвокатом Ч. не оспаривается.

В представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 апреля 2021 года № ... (вх. № ... от 28.04.2021) указано, что вышеизложенные фразы могут свидетельствовать о нарушении адвокатом Ч. требований подпункта 4 пункта 1 статьи 7 Закона об адвокатуре; пункта 2 статьи 5; пункта 2 статьи 8; пункта 1 статьи 12 Кодекса.

Оценивая вышеперечисленные выражения, использованные адвокатом Ч. в ходатайстве на имя Генерального прокурора Российской Федерации от 17 декабря 2020 года, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что во фразах: *«что свидетель К... фальсифицировал протоколы допросов»*; *«один свидетель, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина в совершении тяжких преступлений»*; *«следователь Ш. вступила... в корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.»*; *«и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования»* и *«...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности»* отсутствуют нарушения требований профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Употребление адвокатом Ч. данных выражений как самостоятельно, так и в контексте тех доводов, которые приведены им в ходатайстве, поданном в защиту прав и законных интересов подзащитного А., было обусловлено личной оценкой адвокатом Ч. деятельности сотрудников следственных органов при расследовании уголовного дела № ... в отношении А. На такую оценку адвокат Ч. как профессиональный участник уголовного судопроизводства имел полное право, при этом каких-либо неуважительных и оскорбительных высказываний в этой части он не допустил.

Статья 119 УПК РФ предусматривает право защитника обратиться с соответствующим ходатайством для обеспечения прав и законных интересов представляемого им лица. Адвокатом Ч. данное право было реализовано через обращение к Генеральному прокурору Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым государством (статья 1, часть 1), в котором права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита - обязанностью государства (статья 2). Развивая эти установления, относящиеся к основам конституционного строя Российской Федерации, Конституция Российской Федерации закрепляет, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации, в том числе согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статья 17, часть 1), являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18).

Вместе с тем, в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если они отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права; при допустимости ограничения того или иного конституционного права государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, четкой, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации полностью применимы к регулированию федеральным законодателем свободы мысли и слова, которая гарантируется каждому статьей 29 Конституции Российской Федерации и означает, что никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, и что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать,

производить и распространять информацию любым законным способом (части 1, 3 и 4).

Кроме того, эти правовые позиции применительно к реализации гражданами Российской Федерации права на свободу слова корреспондируют положениям статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (пункт 1); осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (пункт 2) *(См. напр. п. 1.4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 14-П «По делу о проверке конституционности положений п. 10 ч. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20¹ Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина)*»).

Часть 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», а также нормы УПК РФ наделяют органы прокуратуры полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

В этой связи обращение адвоката Ч. с информацией о нарушении закона следственными органами, допущенными при расследовании уголовного дела № ... в отношении А., является надлежащим исполнением профессиональных обязанностей и не нарушает взаимосвязанные положения пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, полагает, что каждая из вышеперечисленных фраз, указанная адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 года, обосновывалась им соответствующими фактическими данными со ссылками на обстоятельства и материалы уголовного дела. Проверка достоверности и обоснованности этих ссылок не относится к компетенции органов адвокатского самоуправления.

В то же время, органы прокуратуры Российской Федерации обладают соответствующей компетенцией по проверке доводов о совершении теми или иными лицами, включая должностных лиц следственных органов, противоправных действий при реализации своих полномочий, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Каких-либо доказательств того, что сведения, изложенные в ходатайстве адвоката Ч. Генеральному прокурору

Российской Федерации от 17 декабря 2020 года о противоправных и незаконных действиях следователей ГСУ СК России по М. области и руководства этого подразделения при расследовании уголовного дела № ... в отношении А., не имели под собой никакой фактической основы, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. в части использования им в ходатайстве Генеральному прокурору Российской Федерации от 17 декабря 2020 года фраз: *«что следователь К. ... фальсифицировал протоколы допросов»; «один следователь, нарушив закон, фальсифицировал доказательства, а второй ложными домыслами обвиняет законопослушного гражданина в совершении тяжких преступлений»; «следователь Ш. вступила... корпоративный преступный сговор, при допросе оказывала давление на ряд свидетелей, требуя от них давать ложные показания, с целью получить обвинительный уклон по делу на А.»; «и.о. начальника ГСУ СК РФ по М. области С. прикрывает тяжкие преступления следователей, совершаемые в ходе расследования» и «...следователи совершили множественность преступлений, что представляет повышенную степень общественной опасности»* подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Оценивая фразы, употреблённые адвокатом Ч. в том же ходатайстве: *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»* (цитата: страница 3 абзац 7 ходатайства со страницы 2), Совет приходит к выводу о том, дисциплинарное обвинение в этой части нашло свое подтверждение.

Деловое общение есть особый вид общения, реализуемый в совместной профессионально-предметной деятельности людей и возникающий на основе определенного вида деятельности, связанного с производством какого-либо продукта или делового эффекта (см. *Государственная служба: культура поведения и деловой этикет. М.: РАГС, 1998, С. 160*).

По общему правилу делового общения формулирование претензии к конкретной профессиональной деятельности оппонента исключает возможность оценки личности самого оппонента, включая его личные и профессиональные качества, так как предметом делового общения является исключительно дело.

Приведённые адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 года оценки личности следователя Ш. очевидно не требовались с точки зрения существа защиты обвиняемого А., являлись бездоказательными. Более того, они ни при каких обстоятельствах не могли быть приняты во внимание адресатом обращения адвоката Ч. и учтены при принятии решения по заявленному им ходатайству.

Таким образом, высказывания адвоката Ч., содержащиеся в обозначенном фрагменте текста, не только не способствовали защите прав и законных интересов подзащитного А., а, напротив, создавали возможность отказа от полноценного рассмотрения ходатайства адвоката Ч., так как могли повлечь вывод о злоупотреблении правом с его стороны.

Согласно позиции Европейского Суда по правам человека, ограничения свободы выражения мнения должны быть соизмеримы с целью, ради которой они были предприняты, и должны оцениваться, исходя из критериев их пропорциональности (см. *Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека.* – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 236).

Совет обращает внимание и на то, что, в отличие от устного выступления, требующего порой незамедлительной реакции защитника на происходящее нарушение прав и законных интересов защищаемого лица и допускающего в этой связи ярко окрашенные эмоциональные фразы и выражения, при составлении письменного документа адвокат во всех случаях имеет возможность сформулировать свои доводы в строгом соответствии с правилами делового общения, исключив недопустимые в официальной переписке эмоциональную окраску описываемых обстоятельств и оценку личности участника тех или иных правоотношений.

Совет не соглашается с позицией адвоката Ч., изложенной в Возражении на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 24.09.2021), о том, что Актом экспертного исследования от 23.09.2021 № ..., приложенного к Возражению адвоката Ч., подтверждается отсутствие в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие оценки являются исключительной компетенцией органов адвокатского самоуправления. Вместе с тем, в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 апреля 2021 года № ... (вх. № ... от 28.04.2021) о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Ч. отсутствуют дисциплинарные обвинения в высказывании адвокатом угроз применения насилия в отношении каких-либо должностных лиц, в оскорблении какого-либо лица, в том числе с использованием бранных, грубых слов и выражений.

Однако указанные выше высказывания адвоката Ч., являясь бесполезными для защиты интересов доверителя, очевидно не соответствуют правилам делового общения, поскольку содержат оценки личности процессуального оппонента, включая личные и профессиональные качества этого лица, так как предметом делового общения в уголовном судопроизводстве являются исключительно действия (бездействие) и решения должностных лиц и органов, осуществляющих расследование и рассмотрение уголовных дел.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Ч., указав в своём письменном ходатайстве от 17 декабря 2020 года Генеральному прокурору Российской Федерации фразу: *«следователю Ш.*

срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.», допустил нарушение взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 8, и п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат, обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, придерживаясь манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявляя уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ч. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что он к дисциплинарной ответственности ранее не привлекался, допущенное им нарушение не причинило существенного вреда. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

1. Применить к адвокату Ч. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания** за нарушение взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («Адвокат обязан... разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами»), п. 2 ст. 8, и п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению и проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле»), что выразилось в указании адвокатом Ч. в ходатайстве от 17 декабря 2020 года по уголовному делу № ... в отношении А., адресованном Генеральному прокурору Российской Федерации, фразы *«следователю Ш. срочно необходимо пройти медицинское обследование на профпригодность у врача психолога на предмет выявления у нее синдрома Мюнхгаузена и мифоман. Некоторые психологи полагают, что патологический лгун уверен в том, что говорит правду, и при этом вживается в роль, что сейчас и происходит со следователем Ш.»*.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 апреля 2021 года № ..., основанному на информации из ГСУ СК России по М. области от 10 марта 2021 года (вх. № ... от 28.04.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков